

в западных странах делают акцент на решении конкретных вопросов — люди включаются в движения, сталкиваясь с определенными экологическими проблемами, они протестуют против строительства атомных станций, строительства дамб, против загрязнения территорий в результате промышленной деятельности. Поднимают конкретные действия поборники в Глобальной протест против существующего общественного порядка. Новые общественные движения¹ начинают борьбу за овладение символическим пространством. В дискурсе экологических движений проблематизируется модель жизни, которое оказывает влияние на природу, используя различные виды природных ресурсов в повседневной жизни. Экологический протест становится «повседневным протестом» — он выражается через изменение собственного отношения к природе, внедрение в повседневную жизнь экологических практик и распространение информации о своем опыте.

Характерно, что в некоторых странах Западной Европы экологически успешной стала жизнь (sustainable lifestyle) в последние время получают массовое распространение (Германия, Дания, Скандинавские страны). Социологи отмечают резкие изменения в действиях и поведении людей по отношению к окружающей среде, начиная с 1989 года.² Многие люди в этих странах изменили свои привычки с целью уменьшить вред, наносимый природой окружающей среде. Можно утверждать, что в современных обществах возникла неорганизованная общность, «воображаемое сообщество»³, тех, кто изменяет свою повседневность, стремится изменить взаимодействие на природу. Представление о таком воображаемом сообществе и осознание принадлежности к нему придает смысл деятельности отдельного человека.

В России постепенно также осознается связь между загрязнением природной окружающей среды и жизнедеятельностью отдельного индивида. Но в настоящее время это осознание проявляется не на государственном уровне, а не в обществе в целом, а в среде общественных экологических движений. Контекст действий российских и западных общественных движений резко различается. В России независимые экологические движения возникли относительно недавно — во время перестройки, на волне массовой общественной активности. Они являются одним из новых политических акторов, выражающих интересы общества и требовавших решения насущных проблем. Экологические движения периода перестройки были внесистемно-институциональными, массовыми, они

¹ Термин Новая общественная движения (NOD) возникла в Западной Европе на основе изучения общественных движений 1970–80-х гг. Новые движения описаны на институциональных понятиях, но участники устанавливают новые отношения с природой, с социальным окружением. Формируют новые личностные идентичности к своему себе. Движения этого типа осуществляют символический протест и отвергают рыночные ценности капиталистического общества (р. 305).

² Так, например, в Англии уровень экологического потребления и экологического действия резко возрос с 1986 по 1990 г., они приблизились на 1991 г. к тем уровням, у кого и выросли к середине 1980-х годов (р. 8).

³ Тарпан, ведущий антрополог Е. Адерерсон [3, р. 13].

выражали протест масс против конкретных антропогенных проектов. Сейчас движения частично институционализировались, изменился характер коллективных действий, возросла значимость деятельности по распространению в обществе экологических ценностей. Постепенно в дискурсе российских движений так же, как и на Западе, проблематизируется повседневное взаимодействие на окружающую природную среду, оказываемое каждым индивидом. Хотя масштаб «экологизации» («экологичности») повседневности в России не сопоставим с западным, рост общественной экологической активности можно рассматривать как субкультуру, в которой происходит этот процесс. В сообществе экоактивистов повседневные практики индивидов переопределяются с точки зрения взаимодействия на природу, участия экодвижений вводят в свою жизнь особые экологические привычки. В этом случае действия участников движения ориентированы непосредственно на личность, т.е. на себя и ближайшее социальное окружение, а не на внешне политические цели.

Одной из форм проявления экологической отключенности поведения⁴ являются экологические поселения (экодеревни). Экологические поселения — это наиболее ярко выраженная форма ценностного (идеологического) протеста, осуществляемого через изменение собственного образа жизни, демонстрацию иных жизненных образцов. Жители экопоселений выражают свой протест против урбанизации, против отгороженного современного человека от природной окружающей среды. Основная идея экологических деревень — создать возможности для реализации экологического образа жизни. Такие поселения создаются чаще всего жителями больших городов, испытывающими дискомфорт в урбанизированной, лишенной контакта с природой окружающей среде современного города. Служит напоминать, что экологические поселения — это одна из разновидностей альтернативных поселений. Термин «альтернативные поселения» более широк, в нем отсылается все поселения (община, коммуна), которые создают сообщества людей, объединенные общими (но обязательно экологическими) идеями, идеологиями. Лучшими учениями и религиозными верованиями.⁵ Создание поселений можно назвать стратегией автономизации — в том случае, когда существующие социальные структуры осознаются как препятствующие реа-

⁴ Так назвали английские социологи Ф. Маккензи и Дж. Ури деятельность участников Ниха общества действий экологической ориентации [4, с. 277–279].

⁵ Характерно, что некоторые российские альтернативные поселения, возникшие первоначально на не-экологической идеологической основе — религиозной или идеологической, впоследствии акцентируют свой прогрессивный экологический идеал. Одна из причин этого явления — популярность и «выгода» экологической тематики для представителей власти в различных властных формах. В качестве примера можно указать на религиозное поселение Тибергуль в Сибири, возникшее на основе культа учителя Виссариона. Общественной инициативой в данном случае является религия, но в первоначальных документах Виссариона больше внимания уделяется проблемам взаимодействия жителей поселения с природой, развитием у них экологического сознания. Данное поселение является в настоящее время членом Социально-Экологического Союза (СоЭС) — наиболее крупной российской экологической организации, имеющей междурядный статус.

ализации жизненных интересов индивидов («запретительные» для выбора стили жизни), формируются сообщества единомышленников, которые пытаются отделиться от «большого общества» и выстроить альтернативную инфраструктуру. Экологические поселения являются своего рода модельными проектами — демонстрационными зонами экологически устойчивого стиля жизни, центрами, в которых разрабатываются представления о правилах и практиках экологического поведения, идет научение и обучение этим практикам.

В западных странах существует развитое движение экопоселений,¹ причем большинство поселений связано друг с другом информационными сетями и личными контактами. Сеть российских экологических поселений постоянно расширяется. По приблизительной оценке, выполненой мной на основании анализа материалов в сети Интернет (таблица альтернативных поселений, электронные списки рассылок по проблемам экопоселений «Экобалнс» и «Экополис»²), в России в настоящее время существует около 25–30 альтернативных поселений, из них 10 поселений называют себя экологическими³. В это число включены лишь относительно развитые экопоселения, существующие не менее 5 лет. В последние несколько лет возникло множество новых инициатив создания экологических поселений, которые сейчас находятся на разных этапах развития — в некоторых разработан только проект поселения, в других уже приобретена земля и живут несколько человек. По моим подсчетам, в России сейчас развивается около 30 инициатив экологических поселений (помимо упомянутых 10-ти относительно развитых поселений).

Цель статьи — проанализировать на примере одного из российских экологических поселений идентификационный культурный код, вариаций в сообществе поселенцев. Предполагается, что он формируется на основе коллективной идентичности и состоит из разномыслных элементами поселения интерпретативных схем. Интерпретативные схемы рассматриваются много в рамках противопоставления «мы — они», через которое поселенцы выстраивают символические границы своего сообщества. Также много были выделены базовые оппозиции, характерные для жителей исследуемого экологического поселения: экопоселение — город, экопоселение — традиционная деревня, Россия — Запад.

¹ Приблизительно оценка количества альтернативных поселений в разных странах мира: США — более 500, Израиль — более 280, Бразилия и Австралия — ок. 150–200, Германия — 17 (по данным, опубликованным в списке рассылки экостраницы Беллетристика Московского ИСЭП (№ 9, 1998), посвященном альтернативным поселениям).

² Информация размещена по ссылке в Интернете: — «Экобалнс» — «Каталог альтернативных поселений в России и СНГ»: <http://altres.kemnet.ru/>; архив рассылок по проблеме экопоселений «Экобалнс»: http://www.inpca.su/inf/eco/balns_rus/0001/; «Борьба экологичного образа жизни»: www.eco.rus/.

³ В данной статье и во всем тексте вопроса о том, какие поселения действительно экологические, и какие — нет. Основанием для наименования являются экологические практики, вовлеченные об этом участники проекта.

В основе данной статьи лежат материалы эмпирического исследования экологического поселения Нью-Эковиль, приведенного мною в сентябре 2000 года.⁴ Причтеналась стратегия исследования случая (case study), которая предполагает изучение современного социального феномена в контексте реальной жизни (когда границы между феноменом и контекстом размыты), с использованием нескольких разнотипных источников информации [5, p. 24]. Основные методы исследования — глубинное интервьюирование интервью, анализ документов (в том числе материалы сети Интернет) и участвующее наблюдение и поселение.

Экологическое поселение Нью-Эковиль было выбрано в качестве объекта исследования по нескольким причинам. Во-первых, это поселение существует уже относительно длительное (в наблюдаемых условиях растительного общества) время — 7 лет. Во-вторых, в нем отсутствует доминирующая идеология или религия, жители поселения придерживаются плюрализма убеждений и мировоззрений, что важно в свете основных задач данного исследования. Единогласия (или идеологии) имеет тенденцию становиться наиболее важным идентификационным кодом для индивидов, живущих в поселениях, опирающихся на основные коды и затрагивающих их изучение. Пространственные границы случая определяются территорией, занимаемой поселением Нью-Эковиль. Временные границы поселения — с момента создания до настоящего времени (1994–2001 гг.), при этом прослеживается история создания поселения, жизненные истории живущих в нем людей.

Предполагается, что установленная модель формирования коллективной идентичности не является специфичной для исследуемого сообщества, но набор интерпретативных схем и других поселенцев может отличаться от выделенного в данном исследовании. Различные интерпретативные схемы не являются взаимноисключающими, они могут перекрываться или иметь некоторое сходство.

История создания и общая характеристика поселения⁵

Экопоселение «Нью-Эковиль», основанное в 1994 г., располагается неподалеку от поселка Реускула Сортанальского района, республика Карелия. Поселение организовано по инициативе бывших жителей российских мегаполисов — Москвы и Санкт-Петербурга, которые в середине 1990-х годов уехали из городов на о. Валаам, чтобы работать в Валаамском историко-культурном заповеднике. В 1989 г. о. Валаам был возвращен православной церкви, и возрождающийся монастырь начал проводить политику постепенного вытеснения с острова светских жителей и организаций. В 1994 г. шестеро будущих жителей экопоселения

⁴ Также частью были использованы материалы коллективного проекта по исследованию экопоселений (Центр религиозных социологических исследований (ЦРСИ), экологическая группа, рук. М. Ткаченко. Заключенный февраль 1998 (в участии автора статьи), октябрь 1998, август 1999).

⁵ В данной статье частично используются материалы по этнографическому исследованию поселения Нью-Эковиль, А. и Н. Кузьмич (ИРСИ) [7].

длинного проекта — от 23 до 74 лет, детей — от поселенцев местечка до 14 лет. Зимой 3 семьи перебрали в г. Сортавалу из-за отсутствия зимних домов. Зимой 2000—2001гг. в поселении проживало 11 взрослых и 10 детей (6 семей). За время существования поселения (с 1994 г.) один человек умер, приехало 5 новых семей из разных мест — из Соранска (Иркутская обл.), Санкт-Петербурга, Москвы, из поселения Китеж¹. Кроме того, за этот срок в поселение проблемно перебрали на постоянное жительство еще две семьи, но, прожив некоторое время, они были вынуждены уехать. Одна семья в связи с функциональными проблемами и отсутствием денег на строительство дома, Арутан — из-за сложных отношений с оставшимися поселенцами).

Жителям поселения — это бывшая гурьевка анимационцы: анимационно-технические работники, учителя, врачи, архитекторы, филологи, бывшие военные, тестрайф, слесарь, маляр, биолог и др. Большинство имеет высшее образование. Эти люди жили в городах, многие не имели опыта ведения сельского хозяйства и жизни в сельской местности. Некоторые имели (в период жизни в городе) опыт работы с землей на дачах. Затруднительно оценить уровень материального достатка семей, живущих в поселении. Это связано с тем, что у нескольких семей основным источником для обеспечения потребностей являются не деньги, а некоторые поселенцы платят тэнгис с незначительной суммой и минимально потребностей. Так, одна из семей стремится в будущем полностью перейти на самообеспечение и жить практически без денег. Наиболее финансово обеспеченной в данном поселении является семья, организовавшая питомник, в котором выращиваются районированные сорта фруктовых деревьев и ягодных кустарников. Продукция питомника достаточно известна в полушарии в Северо-Западном регионе России и полностью раскупается. Для того, чтобы построить дома в поселении, большинство семей продали свои квартиры в городах. Есть семьи, которые несколько лет целенаправленно зарабатывали деньги на строительство дома.

Каждое лето около поселения разбивается палаточный лагерь, в котором живут гости, волонтеры (до 15—20 человек одновременно). Инициатива о поселении распространяется через личные социальные сети, через информационные сети экологических движений, через Интернет и электронную почту. Постепенно, по мере развития поселения расширяется круг лиц, регулярно приезжающих в поселение. Среди них много инструкторов, в основном филолов. Большинство гостей приезжает летом, но некоторые приезжают и зимой, если в поселении кто-то может разместить их в своем доме. Два года подряд поселение принимало у себя детей-сирот из Сортавалы-школы-интерната, которые отбывали в выходные на строительство.

¹ Китеж — бывшее поселение в Калужской области, дачный дом, состоящий из семей с приемными детьми, создан в 1993 г.

ции принадлежал на острове две кооператива — реставрационный и социальный) принимал решение уехать с острова. При этом они поехали вглубь острова в горы, т.к. их не устраивал урбанистический облик жилища. Они хотели «населить» горную часть острва, поднять социальную ответственность, активную гражданскую ответственность, патристическую ответственность (по словам «Ново-Эконики» [18]). Было принято решение организовать в Карелии поселение, создавшее в себе положительное свойство городской и деревенской жизни — «культурную деревню». Лидер группы ранее уже имел успешный опыт построения общины, основанной на острове Рюкюла (Живой Этика или Ане-Доги) в 1986—1987 годах на Карельском полуострове в Ленинградской области (община развивалась из-за эконимических и философско-религиозных конфликтов в коллективе).

Осенью 1994 г. сформированная группа получила консультацию от монахов за пределами острва, землю, землю и недвижимость кооператива и перебралась в поселок Рюкюла. Первую зиму участники проекта провели в доме, снятом у жителей поселка. Для укрепления финансового положения группы в г. Сортавала были созданы строительное-архитектурные мастерские «Мир». Весной 1995 г. началось строительство первого дома и закладка подземно-надземного питомника по выращиванию саженцев (материалы для дома и посадочный материал для питомника привезли с Воламом). В том же году в г. Сортавала инициаторами создания поселения была зарегистрирована общественная организация «Центр экологических инициатив "Ново-Эконика"», в которую была оформлен участок земли. В 1995 г. Ново-Эконика стала частью глобальной сети экологических и получила грант на 30000 долларов на строительство коммунальной от дачской организации «Бай-Туйв», подурезившей сеть экологических поселений по всему миру. На полученные средства была построена участок дачи от поселенцев до школы и линии электропередач.

Общая площадь территории, принадлежавшей экопоселению, составляет 29 га, это участок на северном берегу Ладожского озера. Поселение расположено вдали от большого жилого поселка Рюкюла, но экопоселенцы практически не поддерживают контактов с жителями поселка. Сейчас на территории Ново-Эконика построено 4 жилых дома и 3 детских, практическая закончена строительство еще 2-х жилых домов. Для в союзе распорядились оформить участки земли под огородами общей площадью 9,5 га. Жилые дома и приусадебные участки находятся в собственности частных лиц. Кроме того, построены строения общины: подсобные: летняя столовая и баня (собственность организации Ново-Эконика).

В настоящее время в поселении постоянно проживают 35 человек, из них 17 взрослых и 19 детей (10 семей²). Возраст взрослых ушестидесяти-

² Среди детей присутствуют две группы детей, живущих совместно с родителями (общинная ответственность или братьями сестрами).

При создании Невы-Эковильн проектируются проекты предпологаемых обустроить поселение, применены различные ресурсосберегающие технологии. Но экономическая ситуация в России в целом, и в данном экопоселении в частности, не позволяют жителям поселения интенсивно использовать в повседневной жизни дорогие технологии, направленные на снижение нагрузки на окружающую среду. В западных экологических поселках обычно используется электроэнергия, полученная при помощи солнечных батарей или ветрогенераторы, применены специальные технологии очистки бытовых стоков, переработки и утилизации мусора. В российском варианте экологического поселения используются наименее затратные и наиболее простые приемы обработки, которые зачастую также достаточно эффективно работают и позволяют значительно снизить вред наносимый природой жизнедеятельностью человека. Рассмотрим, каким образом жители экопоселения решают проблемы, связанные 1) с потреблением воды и очисткой бытовых стоков; 2) с использованием электричества; 3) с утилизацией отходов, бытового мусора.

Воду берут из родника и ручья, не подвергая ее дезинфекционной обработке. Бытовые стоки из бани, туалета и умывальника очищаются простейшими фильтрами-септиками (очистными отстойниками), которые сделаны из песка, камней, стекла. В результате в отстойнике остается «серая», техническая вода, которая используется для полива.

Электричество в настоящее время используется из внешнего источника — линии электропередач проведена из поселка Руссула. В перспективе планируется приобретение автономного источника энергии — ветряка или солнечной батареи, но в данный момент у организации не хватает средств на закупку оборудования. Отопление в домах Арюданов. Печи в домах сделаны так, что при небольшом количестве дров хорошо отапливаются весь дом.

Мусор сортируется, стекло и железо складывается в фундамент, органические отходы складываются в компостные кучи. Бумага используется для мульчирования или сжигается в печах. Существует нерешенная проблема с переработкой полиэтилена, пластика. На данный момент такие отходы либо складываются в мешках на территории семейных хозяйств с расчетом на переработку в будущем, либо отвозятся в город (поселенцы решили не делать помойку вблизи от поселения). Планируется сделать переработку пластиковых отходов на месте, но пока не найдена технически и экономически приемлемая технология.

В Невы-Эковиле преимущественно используются малокапитальные простые технологии, направленные на снижение нагрузки на природу. Эта особенность характерна для большинства российских экологических поселений (в отличие от западных поселений). Жители поселения не имеют материальной возможности использовать западные экологические технологии, но обладают высокой информированностью о климате на природу различных повседневных практик. Они пытаются изучать и придумывать новые экологические технологии — недорогие, простые

механизма снижения антропогенной нагрузки на природу. Эти технологии либо возникают в результате изменений («упрощения») заимствованных технологий, либо основаны на различных традиционных способах «жизни на земле» — замаскированы и анализируются с точки зрения эффективности для снижения нагрузки на природу различные «деревенские» практики, удаляемые из книги, от деревенских жителей и других людей. На основе исследования поселения Невы-Эковильн можно предположить, что основной «экологической стратегией» жителей российских экопоселений — это простота, экологичность, самоограниченность и отказ от использования «предвзвеш» (для природы или для человека) товаров.

Путь в экопоселение: поиск социального пространства между городом и деревней

На примере жизненных историй жителей Невы-Эковильн рассмотрим основные пути, которые принимают индивидов в экологические поселения. Исследуемое поселение возникло относительно недавно. Примерно половина его жителей — команда, образованная на о. Валаам и вместе решившая организовать поселение. Остальные поселенцы приехали позже, из разных мест.

Рассмотрим историю перехода в поселение семьи, строившей в настоящее время дом в Невы-Эковиле. Муж (38 л.), жена (32 л.), двое детей, он врач, она филолог, жила в городе, работали. «Ну, поначалу мы огулнулись в такую жизнь, как у мамаш, в такой руднический уклад, то есть мы стали мебель какую-то покупать, обживались, одну новелла, вот именно городской образ жизни. Все там покупали стелуку — мы купили стелуку, все покупали ковер — мы купили ковер, ну в общем такой обывательский образ жизни. Но как-то быстро это перело и как-то лусилона обнурижилось, что ли. А луси как-то я уже даже не помню стелуку у нас эти црел пошла, ну-но ухалины». В поселение эти информантов привело желание изменить образ жизни. Их не устраивала городская обрз жизни, стиль потребления и обустройства, характерный для той социальной среды, в которой принадлежала она и их родители (сривомы такого стиля жизни — мебель, ковер, дива). Несомненно лет семья вола поселки поселенца, индикатором поиска была муж. В современную российскую деревню они переезжать не хотели, несмотря на то, что муж был родом из деревни.

Вначале была идея переехать жить в какой-нибудь заводчик, потом через газету ЗОЖ («Деревый образ жизни») эта семья начала поиск одиночек-поселенцев, с которыми можно было бы организовать поселение. Они переписывались с разными людьми, несколько раз выезжали в поселение. «Посетению спали приходить письма, вло-до давала адреса друзей, и такая получалась лусуния, очень много конвализация». Это не была целенаправленный поиск экологического поселения, но попытка найти (или создать) альтернативу современной деревне. «Мы уже были такие материале пенсионеры, пенсиону это видела, что не лусулись. Нам понравились поселенцы также совсем и лусули, куда мы шли с рюкзаком,

«...как-то добираться или там побороть, город 7–10 час. поездки, пока как бы не это. А тут мы уже знали — нам нужно не в городе, но в то же время и не в глуши, чтобы если что заболел, можно вызвать скорую было». Путем таких поисков они связались с лидером Невы-Эковил, съездили, посмотрели на зарождающееся поселение и в 1996 г. попытались переехать в него жить. Но, прожив несколько недель, решили, что переждать тут на постоянное место жительства еще рано, необходимо прежде заработать деньги на строительство дома. Для этого они несколько лет жили в Москве, занимались коммерцией (покупка одежды и других товаров в Турции, продажа в Москве). В настоящий момент эта семья купила квартиру в Сортанале, в которой живет только зимой, а весной, летом и осенью живет в поселении и строит дом (завершение строительства планируется летом 2001 г.).

Другая семья, также разочировавшаяся в жизни в городе, начала с поисков дома в деревне, но потом встала проблема общения и возможности в деревенских условиях дать детям образование желаемого уровня. «Из города решили уехать, решили поехать на землю... Ну а потом мы искали дом, у нас была воляе дачей, т.е. мы захотели дом в деревне, а потом домали, как же они будут, с кем они там будут общаться, как они будут вообще развиваться, т.е.» (Ж., 34 г.). Эта семья также не сразу переехала в Невы-Эковил на постоянное место жительства. Вначале они год прожили в другом поселении, объединившая идея которого — организация общины, содружества семей с приехными детьми. Условия жизни в этой общине показались информативным курсур «общественности» — общее питание, общие деньги, общность. Они вышли из этой общины и продолжили поиски устойчивого их поселения. Основные принципы жизни в Невы-Эковиле их удивляли, и спустя некоторое время эта семья переехала туда на постоянное место жительства и построила дом, продав квартиру в Санкт-Петербурге.

На примере этих двух случаев показан децентрализованный (или «малотельским») поиск поселения. Неудовлетворенность городским («облагодетельским») образом жизни, невозможность реализовать в условиях города собственные жизненные принципы, идеи привлекла информатива к решению сменить место жительства. Но жизнь в деревне (в том виде, в каком сейчас существует деревня в России) не устраивала эти семьи в связи с отсутствием общения как для взрослых, так и для детей. Некоторое время обе семьи вели децентрализованный поиск искомых контактов с единомышленниками, однако смотреть различные поселения, делая пробные переезды. В данном экспедиции они остались, потому что их представляющая о том, какой должна быть жизнь в поселении, совпала с тем, что они увидели в Невы-Эковиле. Эти семьи нашли альтернативу традиционной деревне и современному городу, а также родственную им социальную среду.

Часть информативов привели в Невы-Эковил родственные связи — построил собственный дом и живет там (отдельно от сына) отец лидера

поселения (74 г.), в две семьи приехали бабушки (ок. 70-ти и ок. 80-ти лет), которые живут в семьях своих родственников. Эти, наряду с другими жителями поселения не разделяют убеждений своих детей и приехали в поселение исключительно ради того, чтобы жить вместе с родными. Кроме того, собирается строиться и переезжать в Невы-Эковил, семья брата жены лидера поселения (в настоящее время эта семья зимой живет в Сортанале, а в поселении только в теплые время года, в летнем доме). Эта семья хочет жить в поселении не только из-за родственной связи, но и потому, что разделяет мировосприятие остальных поселенцев.

Некоторые информативы говорят о случайном попадании в поселение — через общих знакомых узнали о поселении, приехали погостить (без идеи переезда), посмотрели, понравилось, решили жить. Этот путь в поселение можно назвать «эмпирическим». В данном случае имеет место частичное совпадение убеждений, ценностей, жизненных целей приехавшей семьи и уже сформировавшегося сообщества. «Мне поначалу просто хотелось посмотреть дом поближе от этой большой кладки. И только потом я стал задумываться о том, что такое экопоселение. Но главное — люди, и не деревенские, и не городские» (М., 27 л.).

На примере жизненных историй жителей Невы-Эковил реконструированы социальные механизмы, привлекающие индивидов в экопоселение. Выделены следующие пути попадания в поселение: централизованный (родственников), родственной, «эмпирический». Информативы о поселении поступала к индивидам по разным социальным каналам — через друзей и знакомых, через родственников, через информационные сети экологических (в других общественных движениях). На постоянное жительство в поселении остаются те люди (семьи), индивидуальный фрейм которых совпадает с коллективным фреймом сообщества.

Как видно из описанных выше путей прихода индивидов в экопоселение, сообщество, социальная среда играют основную роль при выборе поселения. В каждом поселении у жителей возникает коллективная идентичность, формируются общие фреймы. Рассмотрим далее, что представляет собой коллективный фрейм жителей Невы-Эковил: как формируется в поселении коллективная идентичность, как создаются символические границы группы, выделяющие «мы» от «они».

Формирование коллективной идентичности в экопоселении

Экопоселение можно рассматривать как одно из экологических движений, несмотря на то, что оно относительно изолировано и поддерживается связь с городскими участниками экологической преобразовательной экологической почте. Но именно они наиболее ярко выражают девостный конфликт, характерный для Новых общественных движений. Жителям поселений редуцирует в собственной жизни идеи об изменении стилей жизни, доминирующих в современном обществе, на более «дружественные природе». В экопоселениях делается попытка создать альтернативную инфраструктуру, позволяющую снизить антропогенную нагрузку на окружающую среду. Создание экологического поселения,

распространение ценностей и опыта его жителей является особым родом коллективным действием, направленным на развитие экологического сознания в обществе.

Для современных общественных движений характерно стремление к дискурсивному обозначению границ социальной группы. В рамках сообщества происходит формирование общности культурного кода, определяющие «своих» и «чужих». В случае поселения Невы-Эковиль устанавливаются символические границы «мы» — они происходят не только дискурсивно, но и территориально — на территории поселения могут жить только единицы промышленности, «физическую» границу поселения составляет с символическими границами группы. Стать «своими» (т. е. при желании, начать жить в поселении) могут только те люди, которые разделяют общую конструкцию жизненного мира, обладают сходным видением социальной реальности. В поселении возникает особый дискурс, используемый личной социальной группой для описания собственного восприятия реальности, выражения своей позиции и коммуникации внутри данной группы.

Установление символических границ «мы» — оно является основным механизмом формирования коллективной идентичности. Основой коллективной идентичности становится набор интерпретативных схем (фреймов), с помощью которых индивиды, живущие в поселении, описывают себя и окружающий их социальный мир. Фреймы можно определить как «схемы интерпретации, позволяющие индивидам локализовать, воспринимать, идентифицировать и обозначать» события, в которых даны индивиды прямо или косвенно участвуют [6, с. 464]. Формирующиеся интерпретативные схемы не являются жесткими, заданными формами, они обладают значительной гибкостью и постоянно меняются.

Как уже упоминалось, для того, чтобы человек стал жителем поселения, должен совладать личной фрейм индивида с коллективной реальностью уже существующего сообщества. Общее видение социальной реальности формируется в поселении в процессе установления коллективной идентичности. На микрообливиационном уровне эту процесс исследовал Виттнер и Тейлор [6, с. 109 — 123]. Они были выделены следующие элементы:

- 1) установление символических границ «мы» — они: на уровне индивидов, на уровне ценностей, на уровне конкретных оппонентов (идентичность формируется через оппозицию, через ценностный конфликт с «чужими» институтами, фигурами);
- 2) формирование сознания, выработка интерпретационных схем, «интеллектуальной философии», осознание себя в оппозиции (индивид, участвующий в движении, должен раздвинуть определенные представления, «поименовать» себя, характерные для данного движения).

«Поселения имеют возможность контролировать процесс изменения в районе Невы-Эковиль: по договоренности с местной администрацией они не допускают того, чтобы на их территории (да и на территории непосредственно к ней прилегающей) поселились «чужаки».

3) взаимодействие с окружающим социальным миром. Движения вырывают оппозицию существующему порядку повседневности, в процессе «перетоворов» идет взаимодействие с этим порядком с целью трансформировать его.

Эти три элемента схемы с разных сторон описывают целостный процесс — конструирование коллективной идентичности в движении. Основа коллективной идентичности — осознание «мы» (противоположность «они»). Воспользуемся схемой Виттнер — Тейлор для анализа эмпирического материала и выявления общих идентифициционных кодов, формирующихся в поселении, и рассмотрим три элемента схемы в контексте. Сначала реконструируем из интервью общие фреймы жителей Невы-Эковиль, анализируя их в рамках базовых оппозиций (противопоставлений), характерных для данного поселения: экологическое — город, экологическое — традиционный деревня, Россия — Запад. Затем, на основе анализа конфликтов, рассмотрим ситуации взаимодействия поселенцев лицом-к-лицу с конкретными «они» — носителями других (чуждых поселенцам) ценностей.

Экологическое — Город

Центральной оппозицией для жителей Невы-Эковиль является противопоставление жизни в экопоселении городской жизни (Городу как символу, городским институтам, ценностям урбанистического образа жизни). Такое противопоставление характерно для всех информантов, оно присутствует практически в каждом интервью. Опираясь на это — они звучат в высказываниях информантов о городе как оппозиция «здесь — там», Город видится из поселения как нечто отчужденное, чуждое — «клоака», в которой человек становится беспомощной марионеткой, управляемой чьими-то невидимыми руками. «Городская культура человека превращена просто в обороток, вошед в него инициативы — разрушить нам пытались в качестве коллективной системы, и роль в качестве индивидуума, обложки как оппозициональной системы, маленькую через глаза повесили и еще экран телевизора. И человек в городе, он врос не в природную среду, а он врос и выключен, как в реанимацию, ил к этой искусственной среде, которая дает ему определенные «багаги», как это использовал, но на самом деле это яри (М., 41 г.). В данном фрагменте информант воспроизводит «облака» городской жизни как «жа», показывая, что именно «астижения цивилизации», множество коммунальных услуг имеют современного человека беспомощным в том случае, если какой-либо из систем даст сбой в работе. Искусственная среда города противопоставляется естественной природной среде (в которой живут экопоселенцы).

Жизнь в городской среде хорошо знакома информантам, т. е. все они до переезда в поселение жили в крупных российских городах. В своих нарративах они интерпретируют современное общество и в особенности городскую социальную среду как систему, в которой человек завышен от сложных систем производства, от множества процессов. «Элек-

Главный элемент систем производства и потребления — это деньги. Для того, чтобы преодолеть зависимость от этих систем, некоторые информанты пытаются минимизировать использование денег. Приведем рассказ одной из жительниц Ново-Эквилье о таком опыте посещения К.: «Он пытался выжить года два, гул, наверное, не шмен лыжками средств, денег не имел. (Он решил) Я буду выкачан из этой системы социальное. И я из нее буду выключен, из этой общей компьютеризации, свиньяшка... Я вообще не хочу в этой системе быть, тут человек становится единицей, номером, ему же и прожить вне этой системы, потому что это дано, что она будет давить и требовать, чтобы ты и не включался». И он так по-прежнему, ну тогда полтора жид на грибах и слава уржае» (Ж., 34 г.). Для того, чтобы освободиться от давления «системы», этот человек пробует выжить без денег. В городе такой «выход» невозможен, в поселении же это позволяет сделать собственный огород, сбор грибов и ягод, рыбалка. В этом «разрушающемся мире» жизнь на природе рассматривается информантами как способ обходиться без денег, природа (жизнь в природе) определяется ими как средство выживания, она дает возможность преодолеть катастрофы. «Но жить, выжить и иметь что-то покушать можно в любой ситуации, особенно, когда рядом есть окружающая природа» (М., 36 л.). В современной России такая позиция может быть рассмотрена как способ решения экономических проблем через достижение относительной независимости от кризисов в экономике, постоянной инфляции или как стратегия приспособления к ситуации в условиях неадекватной инфраструктуры.

Осознание и проблематизация зависимости порождает у информантов желание выйти из системы, делаящей его «беспомощным». Жизнь в экологическом поселении противопоставляется городской жизни, она становится для информантов частичным освобождением. Через самообеспечение построенные альтернативные инфраструктур достигаются некоторая защищенность от влияния систем производства и потребления, от техногенных катастроф и аварий.

Важна для информантов оппозиция «пригород» город и «чистого» поселение. «Сейчас он (город — А.Б.) стал хуже, он давит, действует, давить надо, после него нужно для при отходах, мы сюда приезжаем и отходим. У нас существует климат-то травя на поле, мы в бане очень долго ее омышем» (М., 36 л.). Поселения конструируют город как третий, после пребывания в нем они загрязняются — становится «не-чистым». Другая информация также существует себя загрязненной, когда возвращается из города. «Я в ванной не могу мыться омыться так, как в бане. Приезжаю в город, и сразу в баню и чувствую себя очень, загрязненной. А здесь почему-то всегда чистота» (Ж., 34 г.). Поселение здесь ассоциируется с чистотой, город — с грязью.

Самодом чистоты в поселении является не только баня, но и продукты, выращенные своими руками: «Мы переходим на местные продукты, и мне это даже очень нравится, что мы едим, и у нас мои булочки есть»

природство — это значит электрики, станции, все производство, которое с этим связано. Есть медицина, знания, здесь инстинктивно инстинктивные, химия там и так далее, что с этим связано. Там инстинкты, знания, бензин, нефтедобывающая промышленность, все, что с этим связано. Там металл, супермаркет и так далее — принадлежность этим связано. То есть человек как будто окружен этими всем миром процессов, в которых он не принимает участия. Он принимает участие в чем-то одном, причем даже иногда неадекватно, в чем» (М., 36 л.).

Глава из поселения на жизнь в городе, жителем Ново-Эквилье остро ощущает (и гиперболизировано) зависимость городского человека от множества внешних техногенных систем. В их рассказе о городе присутствует «катастрофичность»: «Как захватил магазин — ты отпалел телевизором, у тебя провод отпалел — ты без телевизора, лечь не сможешь, ты выключил газ — тебе не приготовить и на улицу ты выйдешь, не добьешься, ты выключил котелок» (Ж., 34 г.). По их мнению, в городе в случае выключения (либо катастрофы), сбоя в системах человек «Абсолютно беспомощен». Поэтому что он зависит от горячей воды, он всего, от электричества, магазин там закрыта, и все, он лежит в кровати» (Ж., 27 л.).

Главная категория, возникающая в речи информантов при рассказе о городе — это зависимость и беспомощность человека в случае сбоя в обслуживающих системах. «И в случае чего, ну, в случае каких-либо проблем, серьезных проблем, нарушение в любой из систем, пригород пропачеки к гибели человека. Человек в городе более беспомощный, несмотря на всю мощь цивилизации, несмотря на все как бы инфраструктуру, любая техника над природой, человек беспомощен перед природой» (М., 41 г.). Станется под вопрос «могущество» человека, его власть над природой, «мощь-цивилизацию», потому что любые техногенные сдвиги природные катаклизмы могут привести к аварии в системах и, как следствие, к гибели человека, зависящего от них.

Предупреждение грозящих экологических катастроф, желание избежать беспомощности и зависимости городского человека привели этих людей к идее жизни на природе, к созданию поселения «чистого» типа. Они хотят научиться жить «в природе, уйти от кризисного «городского» мира и построить другой, более гармонично вписанный в окружающую природную среду. «Наверное, здесь, все, ну почти все, все, принимается этот мир как мир разрушающийся. И выключается в этом разрушающемся мире как можно дальше уходить. И действительно выключается — ну глобальная катастрофа, хотя застряла она пригородом, могу ли я и не выключать» (Ж., 37 л.).

* Значение самодомытия инстинктивно также для информантов этих систем термин «модернизация» — «модернизация» системы обеспечения [10]. Человек, живущий в городской среде, воспринимает в первую очередь потребность в безопасности, потребность в защите от техногенных катастроф, потребность в безопасности. Каждый раз, когда городской житель включается в систему, он испытывает страх, потребность в безопасности, потребность в безопасности. Это желание системы называется «коллективная функция» местного жителя [11].

частые продукты. Потому что тоже всем известно, что продвигался у нас в магазинах и все эти *шоколы Буша*, и все эти *продукты гениной инженерии*, о которой мы мало знаем и только догадываемся. И мне вот важно, что я ем свою картошку. Помимо всяких *шоко*, *шоко*, *мислишески*... мне важно, что я ем чистые продукты» (Ж., 33 г.). В этом рассказе «разный» город представлял магазинами, «пожамми Буша», продуктами гениной инженерии, а «чистое поселение» символизирует свои картошечные «Знающими друтиками» вновь являются дети — именно на них ориентируется и ради них переживает в поселении данная семья.

Преимущество жизни в экоселении доказываются информативными также на основании эстетических критериев. Урбанизированная «расота» города воспринимается поселенцами как искусственная, не настоящая. «Красота, которая там есть, горюшка, урбанистическая. Вытрины эти, зеркала эти небоскребы, оно много не воспринимается как красивое. То есть это жакет-то для меня не божественная красота. А здесь красиво по-настоящему. То есть от той красоты я не получаю удовольствия, мне просто неудобно в этой красоте. А здесь, по настоящему красиво так, что дух замирает, небо, леса, все что угодно. И это вот как бы естественное, существующее, ну это ж понятно. И дает больше наслаждения. Вот я там могу ходить, ничего не делать и ни о чем не думать, и чувствовать себя совершенно выжатой. Здесь же самое, кожу ничего не даю, но у меня есть ощущение полноты» (Ж., 34 г.). Символами урбанизированной красоты в этом рассказе стали небоскребы и витрины, с поселением ассоциируются небо, леса, природа. Город — искусственная красота, утилитарная («просто удобная»), ощущение «выжатости». Поселение — настоящая красота, естественная, ощущение полноты.

Потребительский образ жизни, широко распространенный в современном обществе, отрицается жителями Нью-Эквилла. «Пусть я не буду эту кукурузу покупать измаленкую, американскую или какую еще там. И дети мои пусть этого не едят. И по магазинам не ходят и не смотрят на шкотики и не смотрят телевизор» (Ж., 34 г.). Американская кукуруза, «шкотики» и телевизор являются носителями городской культуры, они символизируют зло и «разрушение мира». Для поселенцев характерно отторжение западной (американской) культуры, западных образцов потребления.

Оправданием и референтами выбранной жизненной стратегии являются дети — символ будущего, во многом ради них информанты выбирают жизнь в поселении, стремясь отгородить их от разрушительной среды города. «Я очень бы хотела, чтобы дети, когда выросли, они не ушли отсюда. И чтобы они на свидание друг к другу ходили в лес, а не на дискотеку. Потому что опять же — другие все, дискотека и все, что во ней сплош — другая жизнь, другие ценности» (Ж., 33 г.). В данном отрывке символом города становится массовая культура (дискотека), которая противопоставлена лесу. Информантка желает, чтобы дети приняли ее систему ценностей и не уехали из поселения, когда вырастут.

Одни из информантов отмечают, что о проблемах выживания человека и человечества они размышляют только в поселении. «В городе совершенно спокойно, этого лесу ничего, и приезжаю в город, у меня все это прокормит. Здесь вообще жизни и смерти, тут надо выжить, на всех уровнях, надо не есть эти продукты, которые непонятно как делают на человека, надо просто зарабатывать на хлеб. Тут постоянно работаешь, что производил нечисто, то ли это будет потом всемирный, что ли явные, смерти. Все что угодно. А в городе как-то это все очень придурачивается. В город я приезжаю и вижу, что люди плакучие для меня, несколько сонные, спокойно живут на работу в свои эти учреждения, зарабатывают деньги, живут в машинах и их приехали» (Ж., 33 г.). Городской мир из поселения представляется спокойным, однообразным, по замечанию респондентов экзотический катостроф. Символы жизни в городе — учреждения, деньги, магазины. Жизнь в городе быстро теряет смысл для информантов, начинает раздражать занудное пространство кварталов, телевизор становится олицетворением городской жизни. «Три дня я там спала, ой ребята, в полном каком-то жутком бессмысленности начнется — ну, сижу я в этой квартире, целую телевидиором, эти макамы смотрю, голова превращается неизвестно во что» (Ж., 33 г.).

Собственная жизнь является информантам как способ сопротивления через не-участие. Они считают, что жизнь в городе разрушительна, при этом они не позволяют задумываться о том, какое влияние оказывает на природу урбанистический образ жизни. «А такие вопросы, как там мир разрушается, и что ты сам его разрушаешь, тем (в городе — А.Б.) не задумывается вопрос этот. А здесь такая установка — пусть это будет и пусть мир не через меня. Это все равно пойдет, но пусть я не буду его производителем» (Ж., 32 г.).

Для того, чтобы обобщить представленные в данном параграфе образы города и экоселения, перечислим основные противопоставления. Город видится из поселения как искусственный, утилитарный, разрушающийся, грязный, человек в городе зависит от систем, он беспомощен — единича в системе, не влияющая на процессы. В противоположность этому образу, поселение представляется как естественное, чистое, часть природы, человек и нем также становится частью природы, поселение и жизнь в нем воспринимается как защита от техногенных кризисов. Символами города, звучащие в интервью с экоселенцами: телевизор, небоскребы, витрины, машины, транспорт, компьютеризация, статистика, катострофы, учреждения (работы), деньги, магазины, «разные продукты» («шоколы Буша», генетически модифицированные продукты, амниокислоты кукурузы), «шкотики», дискотека. Знаки поселения: природа, небо, леса, травка, ягода, рыбака, «свои» (чистые) продукты, чистота, банк общины, дети. Через серию противопоставлений информанты конструируют желанный образ поселения, они выстраивают символические границы группы — «своего» поселения, которому противопоставляют образы, обобщенный образ «чуждого» города, «коммунизирующего» настоящий мир человека.

Экопоселение — Деревня

Оппозиция деревне не так ярко выражается в нарративных поселениях, как оппозиция городу. Наиболее важное для информантов отличие подобного поселения от обычной деревни — это возможность общения с людьми со сходными интересами и интеллектуальным уровнем. «У меня отец живет в деревне, он нас зовел и у него большой дом. И во всем, по сравнению со мной, он был очень богат и хозяйство его там подержать. Но там старшая — мать, в смысле и интереса никаких больше нет. Жизнь такая бедная. И у нас была зарплата сменить жилья в деревне и в то же время такой как здесь, мощный интеллектуальный класс» (М., 38 л.). Символа современной деревни в этом рассказе — материнство, отсутствие жизненных интересов, экзистенциальное строительство здесь как интеллектуальное сообщество.

Деревня в том состоянии, в каком она существует в современной России, не удовлетворяет экопоселенцев, так как большинство живущих сейчас в деревнях людей постепенно спиваются и деградуют. «Деревня — это очень хорошо, но, к сожалению, деревни за последние время потеряли свои корни и традицию. Она сливается сейчас, наоборот все-таки собралась, люди интересные, каждый друг другу, друзья могут друг другу принести что-то. Здесь одновременно и такая крестьянская жизнь и одновременно такое хорошее душевное, дружелюбное, интеллектуальное общение» (Ж., 33 г.). Жизнь в экологическом поселении видится людям и не как городская, и не как крестьянская, хотя единственное значимое отличие от деревни — это общинное, интеллектуальное социальное сообщество людей со сходными интересами. Свое сообщество, сложившееся в нем привнес и нормы поселения противопоставляют деревенскому пьянству, потере корней и традиций, вырождению, они стремятся совместить крестьянскую жизнь и интеллектуальное общение. «Почему поселение, потому что здесь все по своей воле, не просто живут в деревне, а все складывается разными способами» (Ж., 32 г.).

Но не только оппозиция свойственна информантам по отношению к деревне. Некоторые поселения с удовлетворением отмечают, что в их поселениях есть черты, которые были свойственны российской деревне до того, как она деградировала. «Я вижу, что сейчас у нас, и это можно видеть всю душу невыразимым образом, что у нас много таких вот признаков деревенской общины — есть община бедня, которая особо без скандалов, затоптаивается убогая, реконструируется, у нас община предшественников, ну много таких-то таких признаков, которые мне привлекательны» (М., 38 л.). Необходимо отметить, что важную часть общей жизненной программы в поселении занимают совместные праздники, возрождение народных традиций. Поселенцы организуют гуляния в ночь Ивана Купала, на масленицу, ежегодно отмечают праздник урожая.

В следующем фрагменте информанты рассматривают Незво-Экспим, как деревню и вводят оппозицию деревни — городу, говоря об отношении к природной окружающей среде. «Это город эксплуатировал природу. Деревня, она не будет эксплуатирована, она должна выживать, и это естественно, не будет воду загрязнять, потому что для этого заводы, будут рыба или нет. А в городе это неважно, потому что рыба появилась не раньше, и если там Незво загрязнит, или Ларину, или Бадрышу, привезут с другого места рыбу. А здесь ты ведь очень близки со всем, даже жизнь очень связана со всем землей» (Ж., 33 г.). Для жизни в экопоселении, как и для жизни в обычной деревне, характерны тесные контакты с окружающей природной средой. В данном отрывке говорится о зависимости поселенцев от окружающей среды в том смысле, что любая загрязненность и изменение «окаймляющих» жителями поселенцев на местные экосистемы, воздействует на самих экопоселенцев (в городе, напротив, через которую к человеку возмущается «эффект от использования им природных ресурсов, значительно меньшее). Но такая зависимость воспринимается не как бремя, в отличие от «городских зависимоостей», а как закономерность, необходимое условие жизни.

Подхода этого, можно реконструировать такой образ деревни, противопоставленный жеманному образу поселения: деревня аграризует, спивается, утрачивает корни, вместе с корнями теряется полнокровное общинное сообщество. Поселение видится альтернативой такому образу деревни, и нем возрождается прежняя, «старшая» деревня: интеллектуальное общение соединяется с крестьянской жизнью, возрождаются традиции, не разрывающиеся связь с природой, обуславливающая заботу о ней.

Рассмотренные оппозиции отражают общее идеальное социальное реальность, характерное для жителей поселения Незво-Экспим. На основе проанализированных оппозиций были реконструированы образы города и деревни — главных ценностных оппонентов экологических поселений. Коллективная идентичность поселенцев конструируется через ценностный конфликт и противопоставления, осознается «мы», выработывается фрейм оппозиция к окружающей социальному миру.

Россия — Запад

В поселении присутствует ориентация на возрождение российских традиций. Такая тенденция наблюдается, в основном, у вернувшихся поселенцев — сторонников привнесения, староборьчества, земледелия.

Информанты, размышляя над причинами, побуждавшими их к «выходу из системы», объясняют это решение с религиозной точки зрения. «Ну это такое православное мировоззрение, президентов антихристианского, и мир как-то и нем выживая» (Ж., 33 г.). Религия, Россия, традиция, нация — эти слова регулярно звучат в нарративах некоторых информантов. Продолжая, информанты говорят: «Вот мы доброе будем это сделать, Ну М, и К. Люди из упоминаемых — муж информанты — А.Б.) — они патриоты, потому что это слово иногда имеет.

негипнотическую окраску, вот они по-хорошему патриоты. Они русские, и им важно, чтобы их мажор не пропала. Поэтому и детей столько. Вот надо рожать детей и воспитывать их в нормальной традиции, пусть на одного человека силнее больше. Так что известно, что идет возрождение нации. Зачем? У каждой нации, конечно, все разные, у каждой есть своя миссия. Опасное дело, когда вырождение идет». Путь к выходу общества из кризиса эта женщина видит в «хорошем» патриотизме, рождении детей и их «правильном» воспитании.

Русские традиции, религия, патриотизм, дети — это признаки «мы», в то время как «они» в противостоят России и Западу представляются потребительством («шмотками»), генетически измененными западными продуктами, американской кукурузой, рекламой (см. предыдущий раздел). Еще одним признаком Запада становится рационализм — четкость, предсказуемость, эмпативность жизни в западных обществах. «Там все четко. Невыяснены деньги, и одно за другим, все во время подается, все вовремя отъезжает, все вовремя режется, все вовремя спростается, все вовремя готовилось. Не дай бог хоть один минута выйдет из этого механизма — все здание рухнет, пахнет ошущение создается. Хотя все как часы отлажено. Бегите... Друг вылезает? То есть это благополучие, материальное благополучие, которое имеет запертый человек... держится на одном болтике. Наше благополучие, которого нет, это результат работы ума, инверное» (М., 36 л.). С жизнью в западных странах у информанта ассоциируются (необходимо заметить, что этот человек ни разу не был за границей) четкость и своевременность, всех действий и операций. Он конструирует ситуацию, в которой происходит какой-то аварию («винтик выпадет»), и считает, что благополучие в этом случае рухнет. В противоположность «бедному» (до стойному жалости) западному человеку русский человек репрезентируется как небогатый, но умный.

Позвращение к российским традициям в данном поселении связывается с антизападной установкой, ориентацией на возрождение России. Западные общества конструируются информантами как рациональные системы, ориентированные на потребление.

«Они» во взаимоотноении лицом-к-лицу

Город, деревня, Запад являются идеологическими, абстрактными «противниками» поселенцев. В социальном мире «они» представлены конкретными людьми, институтами — теми, с кем поселенцы контактируют «лицом-к-лицу». В рассказах информантов о конфликтных ситуациях описывается «они», встречи с которыми происходят в повседневной жизни. Это те, кто является приверженцами других ценностей, кто не понимает и не принимает жизненные убеждения жителей экопоселения.

Характерно, что это не обязательно «чужие» люди в буквальном смысле слова — среди тех, кто отрицает ценности экопоселенцев, зачастую оказываются их близкие — дети, родители, друзья. Ситуации, в которых

проявляются столкновение ценностей, в условиях наличия конфликтов, мы, несмотря на то, что чаще всего это скрытые, нежные противоречия, которые редко выливаются в открытые конфликты. Среди конфликтов, о которых рассказывали в интервью информанты, можно выделить родственные и дружеские, внутренне (в сообществе «экопоселенцев») и внешне конфликты (или «оборонительческие» — конфликты, происходящие в различных официальных учреждениях).

Конфликты с родственниками и друзьями

Взаимодействие с родственниками складывается у поселенцев по-разному — у одних родные принимают и разделяют их убеждения, у других возникают конфликты или неприятие. «Ну вот яний родня, мама, жена, они же вообще в школе простили, она до сих пор боится и она в школе, что здесь нет телевизора, что здесь не едят мяса, что здесь дети бегают босиком по лесу, где змеи. То есть это для нее действительно шок, ей эту психологию невозможно понять» (М., 36 л.). Родителям этих информантов интуитивно, как можно жить без телевизора, они не являются сторонниками вегетарианства, их как городских жителей трудно привычка ходить по лесу, где могут быть змеи без обуви. Носителями городских ценностей (чуждых информантам) в этом фрагменте выступают родители, которые не принимают и не разделяют ценности и повседневные практики поселенцев. Телевизор здесь опять возникает как символ чуждого города, а его отсутствие является одной из основных причин того, что мать одной из информанток не хочет переезжать к дочери. «А у меня мама даже сюда не приехала вообще никогда. Это уж точно. Чир и буру, говорит, в деревне фемаль. Тут у меня горячая вода, телевизор, сериалы, все, говорит» (Ж., 34 г.). Горячая вода, сериалы по телевизору — вот наполнение городской жизни тех, кто не является единомышленниками, для себя же женщина выдвигает хождение босиком, отсутствие страха перед животными, отказ от телевизора и вегетарианство.

Иногда в конфликтной оппозиции к поселенцам оказываются их собственные дети. Так, например, в одной из семей, живущих в экопоселении, в детей, часть из которых, следом за родителями, приобщается вегетарианству, а часть — вегетарианству не ест мясо. Вот как информанты рассказывают о решении этого конфликта: «Решила у нас едят мясо — А.Б.). Мы не покупаем, сами не готовим, но просто приезжают люди, кино привозят, муш брат мой с шашлыками все... Это не надо не есть. Они рыбу вот ловят, там жарят где-то на костере, муш вот иногда. Рыбу ловят. Одно время мы начинали давать, но потом поняли, что не имеем права так» (Ж., 34 л.). К отказу от давления на детей эта семья пришла не сразу, а после того, как родители попробовали повлиять на детей, заставив принять их убеждения. «Вначале — А.Б.) чуть ли не железными методами их ограничили. Но это все равно вышло в момент, когда ребенок был с жареным мясом, оштрафовали, тогда там эту сосиску где-то, кашу вегетарианскую» (М., 36 л.).

После таких происшествий было принято решение отказаться от при-
нуждения детей и предоставлять им решать самим — хотят они быть
ветеринарами или нет. Сейчас семья «нормальной» петербургская —
родители и некоторые дети совсем не едят мяса, остальные же эконо-
мически, когда ездят в гости или когда родственники в гости приезжа-
ют в Ново-Эковил. Информанты не в силах оградить детей от влияния
этого мира: «(Дети — А.Б.) видят, что вокруг происходит. Как их от-
 этого отгородить? Это тяжело, не пройти тот мир через детей стар-
 очень тяжело. Поэтому что они все видят, а глаза не закрывают. И им
 должно прежде всего. Как они видят в городе, а глаза не закрывают. И им
 ку, как-то и все остальное... А мы говорим, ешьте сырое, это все
 сразу. Ну как это сразу, если все так это пить, ерши, еще реклама,
 это все воздействует...» (М., 36 л.). Город приходит в поселение через
 детей, которые выбирают продукты широко рекламирующиеся, ала-
 ющиеся популярными среди молодежи (а не сытые, которую едят их
 родители).

Отношение поселенцев к рекламе резко негативное — телевизор и
реклама воспринимаются как символы разрушающегося мира. Родствен-
ники, которые приходят к телевизору и не представляют свою жизнь
без него, часто фигурируют в рассказах поселенцев: «Вот моя сестра
приехала, говорит — а что это вы смотрите не смотрите, а я гово-
рю — Н, дай же видишь вообще, что там происходит? Это же такое
полное разрушение сознания. Одай рекламу! Это ж зомбирование, а
как очень простое влияние на личность человека, ну что мой ребенок
будет, какое мировоззрение у него будет, если он будет смотреть каж-
дый день что-нибудь такое, слушать эти все призывы о наслаждении,
'эда — эда все', это же формирование совершенно другого сознания у
людей и у детей» (Ж., 33 с.). Слоганы, звучащие в рекламе, в восприятии
информанты представляют угрозу для ее ребенка. Дети, являющиеся
главной ценностью в жизни этой женщины, не должны, по ее мнению,
подвергаться разрушительной агитации, заложенной в рекламные роли-
ки. Сестра, которая приехала в гости и не обнаруживала в этой семье
примечного для нее телевизора, не понимает позицию информантки,
она уже является носительницей «другого сознания».

Традиционный конфликт между родителями и детьми в поселении мо-
жет усугубиться тем, что родители еще так же, как все. Это видно из рас-
сказов одной из информанток о приехавшем ребенке из многодетной семьи:
«У него другие ценности, другие желания, другие мысли. И он там живет,
ну моя родителю невозможно не такие, что ж делать, поживу с ними» (Ж.,
28 л.). Этот ребенок не разделяет родительских ценностей и придерживает
собственные стратегии. презентуя родителей в своей среде как специа-
листов, с пренебрежением, по его мнению, профессорски: «Сказались, что
мы там в земле работаем, когда спросит — что там работаете? А мы
нигде не работаем, мы безработные, без ничего. У нас широкий спектр
мы здесь вот делаемости, смешанной как раз с обесценившей себя, но мы
ништо. Но он все-таки нашел, куда говорит, кто родители, он выбрал для

меня профессию инженера, дизайнеру, самом лучшим врачом, в мире —
учился. Мама училась, и мама инженер...» (М., 36 л.).

Друзья и коллеги по работе также не всегда принимают убеждения
поселенцев. Многие из них сложно объяснить тем, кто не включен в по-
селенчество поселенцев, мотивы, по которым они выбрали жизнь в по-
селении. Наибольшие доходы (и отсутствие стремления к их увеличению),
активность в жилищном устройстве, минимизация потребностей озадачи-
вают социальное окружение информантов: «Они коммент по работе —
А.Б.) не понимали, и мне очень сложно им объяснить, потому что если
человек материалистического склада и он ориентирован на благососто-
яние, то ему очень сложно объяснить, что мне это (благосостояние)
важно, но не настолько. Что я хочу жить здесь» (Ж., 33 с.). Эта же
информантка добавит, что не только нынешние коллеги, но и бывшие од-
нокурсники считают ее неблагополучной: «Я для своих однокурсников
неблагополучна. Поэтому что я и работаю в школе. А это... ну что это
такое, это всякая спущенка на кашерой все там... ну что такое шко-
ла? В школу в эдак, в отороте, и живу где-то в деревне. Ну поностию
где-то там... А еще и денег мало к тому же! Если бы на фоне всего этого
у меня было много денег, может быть, я была бы более благополучной. А
лучше еще и денег мало» (Ж., 33 с.).

Итак, во взаимодействии лицом-к-лицу оппозиция «мы — они» конк-
ретизируется, заостряется главным образом для информантов становится ром-
стvenники, друзья, знакомые. «Они» — это неопознавшие, символами
«их» жизненного мира для поселенцев являются телевизор, реклама, мясо,
кока-кола, джинсы и т.д. Для «них» заглавы экзотических — другие, не-
благополучные, чинты. Таким образом, информанты отдают от себя 1) от
«них»; 2) от образа себя в «их» рамках.

Внутренние конфликты

В результате конфликтов и напряженности в отношениях с некото-
рыми поселенцами они из приехавших семей вынуждены были уехать
из Ново-Эковил. Вот как комментирует этот конфликт информантка:
«Они концентрируются эдак, формируются, но если они могут интер-
претировать все отношения из-за того, что не договорились, как там выстраи-
вается курс» (Ж., 34 с.). Этот конфликт подтверждает выдвинутый ранее
тезис о том, что для тех, чтобы вновь приехавшие люди остались в
поселении, необходимо, чтобы их личный идентификационный код со-
впадал с набором фреймов уже сложившегося сообщества.
В другом случае произошла конфликт с недавней приехавшей семьей,
которая не смогла встроиться в уже существующую систему отноше-
ний: «Ну, много людей людей на самом деле. Их называли фанатиками.
В чем угодно фанатиком можно быть, и концентрируются или в эдак, или
какая разница. Все равно эдак уже в голове повернулось и человек ори-
ентированная установка на всю жизнь. Вот, они поставили искать, по-
важ, как они» (М., 36 л.). Конфликты возникли потому, что данная семья
стремилась проинтегрироваться жесткою пришла — что можно делать в

вые случаи показывают, что во взаимодействии с официальными структурами поселения становятся «другими», «не-нормальными», нарушающими существующие порядки и правила. Их действия не вписываются в установленные официальные рамки. В каждом конкретном конфликтом случае достигается компромисс, ищется возможность в законах и правилах для реализации проектов информатов — «в виде исключений».

Заключение

В данном исследовании экопоселение Невы-Эковиль анализируется в рамках теории Новых общественных движений. Было продемонстрировано, что жители поселения являются носителями новых для России ценностей, они стремятся изменить свой образ жизни на более «дружественный природе». В процессе построения экологического поселения и создания сообщества формируются коллективная идентичность жителей поселения, выстраиваются новые идентификационные коды и общие интерпретативные схемы, на основе которых конструируются символические границы сообщества. Основой для формирования коллективной идентичности жителей экопоселения является система противопоставлений «мы — они», проанализированная в данной статье в рамках базовых оппозиций: экопоселение — город, экопоселение — деревня, Россия — Запад.

Жителям Невы-Эковиль стремятся создать поселение нового типа, в котором будут сочетаться «полезительные» черты деревни и города. Событием основные принципы, на которых было организовано данное поселение. Во-первых, в Невы-Эковиль живет сообщество идеологически, финансово, религиозно независимых индивидов, нет общей религии, все искусство в частном владении, уровень общественного мнения низок. Во-вторых, объединяет поселенцев обща социальная среда, общие интересы, ценности и интеллектуальный уровень, и, в-третьих, общие оппозиции — их не устраивает жизнь ни в городе, ни в современной деревне (поэтому они пытаются создать поселение нового типа). Сформировавшееся в Невы-Эковиль сообщество объединяет также отрицание урбанистического образа жизни, ориентация на уменьшение антропогенной нагрузки на природную окружающую среду, ориентация на плюралистичность убеждений. Стратегия автономизации и демонстрация собственного образа жизни путем построения экологического поселения представляется информатам наиболее действенным способом расширения экологических ценностей в обществе.

Исторический и социальный контекст формирования экопоселений на Западе и в России существенно различается. Российские поселения создаются в условиях социальных трансформаций и нестабильной экономической ситуации. Характерной чертой экопоселений в России является использование простых и недорогих способов «экологизации» стилей жизни (в отличие от западных поселений, в которых для снижения нагрузки на природу используются сложные тех-

нологии ресурсосбережения). Попытки создания экопоселений в России — это, с одной стороны, рефлексия на множество рисков технологического, индустриального общества, с другой — один из способов выжить в сложных, постоянно меняющихся российских экономических условиях. Создание экологических поселений в России можно рассматривать как стратегию решения экономических проблем через достижение относительной независимости от кризисных ситуаций в экономике, постоянной инфляции.

Литература

1. Mollet A. *Nomads of the Present*. N.Y., 1989.
2. Ursell D., Worcester B. You can't sink a shallow. WAPOR Conference. The Hague, 21 September, 1995.
3. Adorno W. *Inaugural Communism: Reflection of the Origin and Spread of Nationalism*. London: New Left Books, 1983.
4. Маклин Ф., Урри Дж. *Социология протеста. Теория общества / Под ред. А.Ф. Филалова*. М.: Канон-пресс-Ц. Кучково поле, 1999.
5. Case study research: design and method. Newbury Park, CA: Sage, 1992.
6. Snow D., Rochford E.B., Warden S., Bebbitt R. *Frame Alignment Processes, Mobilization, and Movement Participation*. // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. № 4.
7. Кукулева А., Кукулев Н. Экопоселения в России // *Электронный журнал EcoNews*. 2003. № 5 (204).
8. Голдсборн Н. Невы — это деревня... // *Электронный бюллетень московского ИСАР*. 1998. № 7.
9. Taylor V., Whittier N. *Analytical Approaches to Social Movement Culture: The Culture of the Women's Movement*. // *Social Movements and Culture* / Ed. by H. Johnston, B. Klandermans. London: UCL Press Limited, 1995.
10. *Environment and global modernity* / Ed. G. Spaargaren, A.P.I. Mol, F.H. Buttel. London: Sage, 2000.
11. *The Sociology of consumption: an anthology* / Ed. P. Ottes. Oslo: Solum forlag A/S, Atlantic Highlands, N.Y.: Humanities Press, 1980.